

СИМВОЛИКА ЖЕНСКОГО ПОРТРЕТА В ПОВЕСТИ

Б. К. ЗАЙЦЕВА «ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА»

У статті розглядається сутність портрету в повісті Б. К. Зайцева «Блакитна Зірка». Враховуючи, що у письменника портрет відрізняється імпресионістичністю та символікою, у статті інтерпретуються символи, знакові коди, які допомагають читачу глибше зрозуміти персонажів повісті. Найбільш детально розглянуто символіку у портретах, які пов'язані з жіночим персонажем Машурою – головним жіночим образом твору.

Ключові слова: символ, портрет, імпресіонізм, мрійник, Б. К. Зайцев.

Повість «Голубая Звезда» является значимым произведением доэмигрантского периода Б. К. Зайцева. Центральный женский образ повести – Машура. Она отличается от остальных женских образов повести Б. К. Зайцева «Голубая Звезда». В её характере отчётливо отражается авторское «я». Как известно, Б. Зайцев не разделял понятия красоты и нравственности, полагая, что они в одинаковой мере присущи женскому началу. Машура молода, изящна, мать прививала ей любовь к высшему свету, но она слишком чувствительна, чтобы, подобно остальным, воспринимать окружающий её мир поверхностно, с точки зрения светской жизни. У неё много общего с главным персонажем – мечтателем Христофоровым. Однако, в отличие от него, Машура не представляет своей жизни без окружающего её мира московской интеллигенции. Отсюда её тяга к музеям и театрам, интеллектуальным собраниям типа «белого голубя». Машура часто представляется прогуливающейся по самым популярным и многолюдным улицам города, хотя ей такое же эстетическое удовольствие приносит и домик в усадьбе, далёкой от городской суеты. Б. К. Зайцев уделяет много внимания передаче переживаний и психологического состояния героини в зависимости от ситуации через описание её внешности. Каждый раз, появляясь на авансцене повести, автор описывает её портрет: (цвет лица, выражение глаз, улыбка). Женщины, символизирующие разные стороны любви и красоты, очаровывают Христофорова – главного персонажа повести. Среди них Вернадские (Наталья Григорьевна и её приёмная дочь Машура), Лабунская являются носителями тех культурных ценностей, которые близки Христофорову. Их отличают духовность, поиски смысла жизни.

Женское начало объединяет общее для них ощущение мира перед лицом бесконечности, Божьего духа, смерти. Женское начало у Б. К. Зайцева, как и в философской трактовке Вл. Соловьёва, является естественным посредником между «горним миром и земной действительностью» [5, 349], женщина с точки зрения автора может зримо ощущать красоту, воспринимать её как великое благо и счастье.

По мнению Христофорова, «голубая звезда» Вега есть самое высшее, «необыкновенно чистое» проявление стихии вечной женственности. «Образ этой звезды и есть образ женщины в высшем смысле. В финале повести у Христофорова возникает чувство единения не только с голубой звездой (в конце она переименована из Веги в Деву, так как сближена с Машурой), но и с землёй («ноги ступали по земле, как по самому себе» [1, 359]), что создаёт ощущение «разрешённости», гармонии.

Машуру читатель чаще всего воспринимает сквозь мир Алексея Христофорова, либо автора. В сцене прощального вечера, где собиралась вся московская интеллигенция, Алексей чувствует себя не соответствующим по статусу хозяйке дома. Однако на этом вечере была Машура со своей матерью – Натальей Григорьевной, что оказалось важным для Христофорова.

«Мать – Наталья Григорьевна, представительная дама, седая, разговаривала с высокой брюнеткой в большом декольте. Машура молчала. Она была в белом с красной розой на груди – тоненькая, с не совсем правильным, остроугольным лицом; почти черные глаза ее блестели, казались огромными» [1, 280].

Писатель акцентирует внимание на её внешнем облике – седых волосах и светлых, несколько выпавших глазах. Вместе с тем Машура одета в белое платье с красной розой. Белый – цвет чистоты. Как известно, роза – самый популярный цветочный символ. Согласно легенде, эта «королева цветов» росла в раю без шипов, но обрела их после грехопадения как напоминание. В Древней Греции роза служила эмблемой греческой богини любви Афродиты (в Риме – Венеры), а также символизировала любовь и страсть. В христианской вере роза символизирует мученичество. Именно особенности внешнего украшения дают возможность воспринимать Машуру как персонаж, в котором два начала: чистота и страсть, привычка и тяга к обновлению, сочувствие к окружающим и забота о собственных интересах.

Машуре, как и Христофорову, дано познать и почувствовать природный мир. Когда она приехала в начале лета в Звенигород и все вокруг казалось новым, неизвестным, Машура размышляла о богодуховности природы, когда «новые места откроют новую свою, дневную душу» [1, 284]. Она полагает, что из всех окружающих только Христофоров способен понять её.

Интересен такой фрагмент текста. После сна Машура прогуливалась по ельнику. «Машура босиком, слегка подоткнув юбку, стояла по щиколодку в воде и подымала камни. Иногда рак оказывался там. Она хватала его под мышки и бросала в лукошко с крапивой» [1, 297]. В этой сцене Машура превращается в игривую девушку, которая, невзирая на статус своей матери, не стесняется босых ног, приподнятой юбки. Сцена напоминает картину Боттичелли «Рождение Венеры».

Она, как и большинство обладательниц чёрных глаз, хорошо чувствует эмоции близких им людей. Машура надела чулки, села рядом с Антоном (одним из персонажей повести). «Он положил голову ей на колени. Ее руки пахли водой, раками, водорослями.

— Хорошо, что сейчас ты милый, и ты, правда, мой милый такой, Антон, как надо быть. Настоящий мой жених. А когда не настоящий, я тоже знаю. И не люблю» [1, 300].

Машуре тяжело даётся общение с Антоном, когда он в плохом расположении духа. Она перестаёт его понимать, а значит, в её понимании, и любить. В дальнейшем именно несносный характер Антона сыграет роль в окончании отношений Машуры и Антона. Заметим, что расставанию предшествует описанию лукошка с раками и крапивой на дне. Само лукошко, наполненное чем-либо может символизировать возрождение или спасение от смерти. Крапива, лежащая на дне лукошка – растение, основное свойство которого – жечь, жалить, соотносится с «чужим» миром, так и Антон принадлежит к «чужому» для Машуры миру. Рак же имеет много трактовок, одна из них – символ расставания, окончания любовных отношений. В христианской символике он служит намеком на воскресение из мертвых по причине сбрасывания им своего панциря во время линьки.

Итак, мы видим, что лукошко и рак – символы, связанные с воскрешением – именно так можно охарактеризовать Машуру после расставания с Антоном.

Интересно и отношение Машуры к танцовщице Лабунской. В тексте часто встречается намёк на смерть Ретизанова – возлюбленного Лабунской (примечательно, что она выступала в представлении «Орфей и Эвридика»). От укуса змеи красавица Эвридика умерла, а певец Орфей, преодолев тяжёлые испытания в царстве мёртвых, так и не смог воскресить любимую. Орфей остался жить на земле после смерти любимой. Это же происходит и с Лабунской, которая во время болезни Ретизанова за ним ухаживала, но ещё до его смерти начала новый виток жизни без него. После спектакля Лабунская шла по тротуару, помахивая букетом и смеясь. Легкомыслие и беззаботность – её основные черты.

После того, как Машура покинула больного Ретизанова, сравнив его возлюбленную Лабунскую со звездой, «бледно-золотистая Венера сопровождала ее путь по бульвару, плывя над домами, цепляясь за голые ветки деревьев. Машура глядела на нее и думала, что это тоже звезда любви, быть может, таинственная «устроительница» сердечных дел. Быть может, и ее, Машуры, земная судьба связана с велениями неведомых, дивных богов»[1, 350]. В этот момент у Машуры будто появляется своя покровительница – Венера, как у Христофорова – Вега. Планета эта известна как вечерняя и как утренняя звезда, она никогда не появляется над горизонтом среди ночи, названа в честь древнеримской богини любви. Считается, что эта планета покровительствует женщинам. В 1992 году психолог Джон Грэй выпустил книгу «Мужчины с Марса, женщины с Венеры», в основе подхода к отношениям полов в книге используется, как метафора, предположение, что мужчины и женщины настолько различны, что их можно считать выходцами с двух разных планет. Грэй использует подобную метафору – римского бога Марса и богини Венеры, как выраженные стереотипы мужчины и женщины соответственно.

Машура очень хорошо чувствует все, что её окружает и воспринимает одухотворённо. Вот как описана прогулка Машуры по Москве: «Машура медленно шла утром к Знаменке. Из Александровского училища шеренгой выходили юнкера... Машура обогнула угол каменного их здания, и мимо Знаменской церкви, глядевшей в окна мерзнувших юнкеров, направилась в переулок. Было тихо, слегка туманно. Галки орали на деревьях...

Машура взяла налево, в ворота, к роскошному особняку, где за зеркальными стеклами жили картины. Ей казалось, что этот день как-то особенно чист и мил, что он таит то нежно-интересное, что и есть прелесть жизни. И она с сочувствием смотрела на галок, на запущенные снегом деревья, на проезжавшего рысцой московского извозчика в синем кафтане с красным кушаком»[1, 370].

Человек порывистый, горячий, глубинно-искренний, Машура не мыслит, чтобы ее жизнь каким бы то ни было образом была связана с ложью, фальшью. Трудно далось ей открытие, что она не любит больше Антона, а значит, не имеет права выходить за него замуж. Машуре для самой себя, для душевного равновесия, прежде всего, необходимо было осознание искренности своих чувств. Итог ее печальных размышлений близок христофоровскому затворничеству: «она думала, что пускай она и будет жить в этой светлой и чистой своей комнате, ни с кем не связанная, ровной и одинокой жизнью... Если любовь, говорила она себе, то пусть будет она также прекрасна, как эти звуки, томления

гениев, и если надо, пусть не воплотится. Если же дано, я приму ее вся, до последнего изгиба». Здесь и ощущение покорности судьбе, но вместе с тем такое приятие жизни, которое рождено своеобразным бунтом души против фальши: принимается то, что свойственно чистым устремлениям, и несет гармонию в отношениях с миром, хотя бы и печальную.

Список использованной литературы

1. Зайцев Б. К. Голубая звезда / Б. К. Зайцев // Зайцев Б. К. Голубая звезда: Повести и рассказы. Из воспоминаний. – М.: Моск. Рабочий, 1989. – С. 274–378.
2. Зайцев Б. К. О себе / Б. К. Зайцев // Собрание сочинений: В 5 т. – М.: Русская книга, 1999. – Т. 4: Путешествие Глеба.– С. 587–592.
3. Импрессионизм в русской прозе Серебряного века: монография / Отв. ред. В. Т. Захарова. – Н. Новгород: НГПУ, 2012.– 271 с.
4. Прокопов Т. Всё написанное мною лишь Россией и дышит. Борис Зайцев: судьба и творчество / Прокопов Тимофей // Зайцев Б. К. *Осенний свет*: Повести, рассказы.— М.: Советский писатель, 1990. – С. 6–30.
5. Трудное сближение: Зайцев и Степун / Публ. и примеч. В. Кантор // Вопросы литературы: Журнал критики и литературоведения. – 2012. – № 1. – С. 346–382.